30 с лишним лет спустя

Гольдберг Д.И.

More than 30 years later

Goldberg D.I.

Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск

© Гольдберг Д.И.

Представлено не публиковавшееся ранее выступление профессора Д.И. Гольдберга на встрече выпускников 1929 г. медицинского факультета Томского государственного университета, состоявшееся в г. Москве в 1963 г.

Ключевые слова: патофизиология, наука, кроветворение.

The earlier not published appearance of professor D.I. Goldberg in the meeting of graduating students of 1929 of medical faculty of the Tomsk State University which was held in Moscow in 1963.

Key words: pathophysiology, science, hematosis.

УДК 616.15(091)

Прошло более 30 лет после окончания медицинского факультета Томского университета. Срок значительный, позволяющий если не намечать планы на будущее, то, во всяком случае, подвести некоторые итоги прошлому, проделанной работе.

С 3-го курса я стал интересоваться патофизиологией и много времени уделять ознакомлению с методиками этой экспериментальной науки. Я с большим увлечением наблюдал интересные опыты профессора А.Д. Тимофеевского ассистента и кафедры С.В. Беневоленской по культивированию тканей, эксперименты Л.Ф. Ларионова по трансплантации опухолей. В конце концов у меня созрело желание посвятить себя после окончания вуза изучению патофизиологии. В этом меня поддержал мой учитель А.Д. Тимофеевский, который, по-видимому, пришел к выводу о наличии у меня некоторых способностей к экспериментальной медицине.

Однако мое продвижение в науку проходило с преодолением неожиданных препятствий со стороны студенческой фракции, предметной комиссии и ректората. Это оказалось для меня полнейшей неожиданностью. Студенческий актив высказал определенный скепсис по поводу ценности моей кандидатуры в связи с тем, что, как они выразились, «мое общественное лицо представляется неясным», так как я все пять сту-

денческих лет не участвовал в общественной жизни и представлял собой нечто вроде академического сухаря. Это не расходилось с истиной, но причиной тому, как я вспоминаю, было своего рода не то перепроизводство общественных деятелей, не то дефицит самих локусов для общественной работы, а скорей всего могло быть объяснено попросту тем, что я как бывший школьник не сделал шага, который позволил бы вспомнить о моей скромной кандидатуре.

Это безусловно серьезное препятствие на заре моей академической деятельности могло быть преодолено лить благодаря авторитету и житейской мудрости тогдашнего ректора университета профессора Д.В. Горфина моего учителя профессора А.Д. Тимофеевского. Надо сказать, что отголоски известного скепсиса ко мне я продолжал еще чувствовать и в годы аспирантуры. Одни не скрывали своего недружелюбия, другие проводили со мной душещипательные беседы на тему высокого ко мне доверия и необходимости окунуться в общественную деятельность. После этого прошло совсем немного времени, каких-то 2—3 года, и я так хорошо «исправился», что мог бы пристыдить своих советчиков. Позднее, работая проректором, руководителем вуза, потом снова проректором, выполняя функции члена партийного бюро и ряд других больших поручений, я порой недоГольдберг Д.И. 30 с лишним лет спустя

брым словом вспоминал своих «доброжелателей», создававших для меня в аспирантские годы весьма нервозную обстановку. Для себя я сделал один важный вывод, которым руководствовался все годы своей деятельности. Я с особым вниманием относился к студентам, интересующимся наукой, следил за их ростом, выдвигал их в аспирантуру или на другие должности по кафедре, создавал все необходимые и возможные условия для роста аспирантов, ассистентов, докторантов. Я с особой энергией защищал своих кандидатов в аспирантуру в тех случаях, когда иной рьяный администратор или какой-либо деятель вуза пытался опорочить таковых из-за еще не развернувшихся порой «проспективных потенций».

Возможно, отчасти потому наша кафедра в течение ряда лет могла возглавлять комплексную проблемную научную тематику, привлекать к участию в работе молодых ученых других кафедр, помогать им в выполнении кандидатских диссертаций. С нашей стороны они находили всегда радушный прием и всяческое содействие

Аспирантские годы были весьма трудными в бытовом отношении и из-за болезни жены, однако работа не страдала. В 1932 г. я окончил досрочно аспирантуру и был оставлен в должности ассистента. Уже в 1934 г. в связи с переездом А.Д. Тимофеевского в Харьков я лишился учителя и советчика, и мне, совсем неопытному еще, пришлось возглавить кафедру и читать самостоятельный курс лекций. Все это, разумеется, создавало большие трудности, для преодоления которых приходилось много работать.

В 1936 г. я защитил кандидатскую диссертацию о митогенетическом излучении крови у раковых крыс, после чего стал доцентом. В это время я увлекся вопросом о структурах молодых эритроцитов, вопросом, как оказалось, весьма дискуссионным, что пришлось почувствовать довольно быстро. Так, где-то в 1937 или 1938 г. я попытался выступить с докладом на заседании Ленинградского общества гематологов. Однако, несмотря на представление моего доклада профессором Н.Н. Аничковым, выступление состояться не могло из-за того, что основные положения доклада оказались неприемлемыми для председателя общества профессора М.Н. Аринкина. Тогда доклад был сделан на заседании общества патологов, где и получил полное одобрение. Прежде чем представлять к защите эту работу, следовало выслушать критические замечания моего учителя А.Д. Тимофеевского. Поездка к нему в Харьков увенчалась полным успехом, после чего в 1938 г. я получил возможность защищать свою докторскую диссертацию «Базофильная субстанция эритроцитов» в совете нашего института. В 1939 г. мне было присвоено ученое звание профессора.

Уже до этого я выполнял ряд общественных поручений: председателя месткома института, секретаря медицинского общества, председателя студенческого научного общества имени Н.И. Пирогова.

В 1939 г. я был назначен заместителем директора института по научно-учебной части, а с середины 1941 г. до осени 1943 г. выполнял обязанности директора вуза.

В 1940 г. я был принят в члены коммунистической партии. Великая Отечественная война создала ряд трудностей в работе института, которые с напряжением приходилось преодолевать. Мы потеряли ряд зданий, и учебная и научная работа протекала в обстановке скученности и недостатка площадей. Приходилось решать молниеносно такие вопросы, как прием эвакуированного в Томск ВИЭМа, размещение научных работников, создание условий для их работы и т.д. Большие трудности были и с обеспечением работы клиник.

Несмотря на сложную ситуацию, продолжалась работа по выпуску врачей, ученые института перестроили свою научную работу в соответствии с нуждами военного времени.

Наш коллектив в это время взял на себя задачу разработки новых методов стимуляции заживления ран и язвенных процессов. Был использован материал эмбрионов, получаемый с мясокомбината. После экспериментальных исследований эмбриональная мазь стала широко применяться в эвакогоспиталях Сибирского военного округа и гражданских лечебных учреждениях Сибири. Мы выпустили в свет два сборника научных работ (1944, 1946) и опубликовали ряд статей в центральной прессе.

Работа большого коллектива — теоретиков, клиницистов, врачей эвакогоспиталей и гражданских лечебных учреждений — по этому вопросу позволила приобрести необходимые навыки в организации и руководстве комплексной тематикой, которые были использованы и позднее.

В послевоенные годы наш коллектив продолжал разрабатывать вопросы гематологии, в частности, вопросы о строении эритроцита, о патологических структурах, связанных с изменением гемоглобина. Этой теме были посвящены статьи в центральной прессе, а также диссертации сотрудников нашей и других кафедр.

С 1943 г. я продолжал исполнять обязанности заместителя директора. Административная деятельность окончилась в 1952 г., и с этого времени я получил возможность посвятить себя исключительно организации и руководству научной работой, а также педагогическому процессу.

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. наш коллектив разрабатывал вопрос о роли нервной системы в патогенезе поражений кроветворения. Итогам этой работы была посвящена монография «Очерки гематологии» (1952).

С начала 1950-х гг. и до настоящего времени мы продолжаем разработку большого вопроса: «Желудок и кроветворение», которому был посвящен ряд экспериментальных и клинических работ нашего коллектива, а также кандидатские и докторские диссертации. Большой интерес представляют клинические наблюдения за больными, перенесшими операцию тотальной гастроэктомии. В наших руках благодаря контактам с клиникой А.Г. Савиных оказался самый больпроблеме. шой мировой материал по этой Исследования крови, костномозговых пунктатов, обмена витамина В₁₂ позволили построить стройную картину патогенеза развивающегося В12-авитаминоза и гематологических расстройств, а также разработать методы лечения и профилактической терапии. Данной тематике посвящены докторские диссертации А.И. Гольдберг (клиника и гематология, лечение и профилактика), В.С. Лавровой (обмен витамина В₁₂), а также кандидатские диссертации.

В 1962 г. мы совместно с А.И. Гольдберг имели возможность выступить с докладом по этому вопросу на VIII Международном противораковом конгрессе.

Последние годы знаменуют наше участие также в изучении гематологии лучевой болезни, вызываемой высокоэнергетическим излучением бетатронов. И в нашей семье, состоящей уже из двух докторов наук, появился кандидат медицинских наук Евгений Гольдберг, как второе поколение гематологов. Теперь он возглавляет вновь созданную в мединституте центральную научно-исследовательскую лабораторию.

Не могу не заметить, что мой сын пришел в науку (в отличие от отца) уже оформившимся общественником. Он был старостой курса, секретарем комитета ВЛКСМ, а теперь выполняет обязанности заместителя секретаря партбюро.

В нашем семейном гематологическом «танковом экипаже» не хватает еще полноправного четвертого члена. В этом отношении я надеюсь на свою дочь Галину, которая еще в студенческие годы выполняла научную работу по эритроцитометрии, имеет опубликованные в центральной прессе статьи и обладает способностями, необходимыми для научного работника.

Сегодня на кафедре создался опытный коллектив научных работников и педагогов, растут и молодые кадры, еще совсем недавно студенты-кружковцы.

В 1960 г. мне было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки, а в 1961 г. за научную работу и подготовку кадров я был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Прошло более 30 лет после окончания вуза. Это большой жизненный срок — от первых робких шагов в науке и общественной деятельности до состояния известной зрелости, состояния, заставляющего критически оценивать пройденный путь, ошибки и достижения, состояния, когда еще больше чувствуешь необходимость совершенствования в достигнутом мастерстве, ощущаешь необходимость учиться и еще раз учиться. Я с большой любовью вспоминаю своего учителя А.Д. Тимофееевского, привившего мне любовь к науке, к гематологии. Его идеи я всегда старался передавать своим ученикам.

За этот большой период времени я опубликовал более 80 научных работ, в том числе несколько монографий. Научный путь не усеян розами, было много успехов, но были и неудачи. Ряд положений приходилось защищать в острых дискуссиях, и я всегда считал, что в таких ситуациях «противник» должен быть «уничтожен». Мне приятно вспомнить, что в числе подобных оппонентов были ученые Москвы и Ленинграда.

На этой неделе мая 1963 г. читал последнюю лекцию студентам 3-го курса. Уже 30-й раз приходилось бросать прощальные слова студенческой аудитории. Я вновь почувствовал, какой большой срок прошел с момента окончания университета.

Прошло много лет, очень многое сделано, но еще больше предстоит: планы, начатые и еще не закон-

Гольдберг Д.И. 30 с лишним лет спустя

ченные работы, диссертанты, новые проблемы... И я решил, как поется в известной песне, что «умирать

нам рановато, есть у нас еще дома дела».